

Токио укутало туманное ночное марево, почти полностью скрывшее луну.

Из низких облаков лениво сыпалась мелкая снежная крупа. Снежинки, кружась на ветру, опускались на перила балконной решетки, где медленно таяли, превращаясь в прозрачную влагу.

Кап... кап...

Тяжелые капли с тихим стуком разбивались о кафельный пол террасы.

Стоявший на балконе мужчина был одет не слишком тепло, но холода явно не замечал. Он заметно превосходил ростом себя прежнего, юного. Непривычное для Акихары буддийское облачение — свободная кэса — сидело на нем на удивление ладно. В его осанке сквозила ленивая уверенность, а на возмужавшем, красивом лице играла тонкая, по-лиси лукавая усмешка.

Заметив недоумение во взгляде Годзё Акихары, гость ответил на удивление просто:

— Сон ни в одном глазу. Я днем хорошенько выспался.

Ради того, чтобы проболтать всю ночь напролет, он подготовился заранее. Гость слишком хорошо знал Акихару: в представлении того всякий, кто пренебрегал здоровым сном, мгновенно приравнивался к неразумному ребенку, заслуживающему строгой взбучки.

— М-да... — Мужчина невольно хмыкнул. Воображение подкинуло ему какую-то забавную картину из прошлого, отчего его улыбка стала шире, а из груди вырвался тихий смешок.

— Ну, раз так, — Акихара вздохнул.

Убедившись, что неожиданный гость говорит чистую правду, он отбросил лишнее беспокойство. Бросив беглый взгляд на усиливающийся снегопад за окном, хозяин комнаты жестом пригласил мужчину войти:

— Заходи, нечего мерзнуть.

Этот взрослый Сугуру, несмотря на весь свой бунтарский и скользкий вид, подчинялся беспрекословно. Стоило Акихаре позвать его, как он послушно переступил порог и привычным движением опустился на край постели, слегка откинувшись назад и упершись ладонью в матрас.

Едва оказавшись в комнате, гость сразу заметил стеклянную банку с леденцами, стоявшую на письменном столе. При виде знакомой марки сладостей, которую он сам в свое время покупал

не одну сотню раз, в его глазах промелькнула теплая искра узнавания.

— Выпьешь чего-нибудь? — нарушил молчание Акихара.

Он подошел к небольшому встроенному холодильнику, стоявшему в углу рядом с кулером, и обернулся к мужчине.

Для этого воплощения Сугуру время словно замерло. Физиологически он оставался в том самом мгновении, из которого перенесся сюда. А поскольку перед самым перемещением он успел плотно поужинать, сейчас он не испытывал ни малейшего голода или жажды.

— Не стоит, — качнул он головой, вежливо отказываясь.

Акихара не стал настаивать, налил себе простой воды и, сделав несколько глотков, устроился в кресле перед рабочим столом. Перед ним лежала стопка неоконченных отчетов. Мужчина на кровати молча наблюдал за тем, как Акихара перебирает бумаги. Время от времени он негромко задавал вопросы по существу дела — точно так же, как делал это в юности, когда ловил каждое слово Акихары, видя в нем непререкаемый авторитет.

Подобная идиллия продолжалась уже больше недели — ровно с тех пор, как этот загадочный Сугуру впервые материализовался в его комнате. О причинах его появления Акихара мог только догадываться. У него закрадывалось подозрение, что виной всему был его собственный сон, соткавший мост между временами, хотя ручаться за это он бы не решился.

В конце концов, Акихара уже много лет не видел снов. Да и спал он урывками, почти лишив себя полноценного отдыха. Но в ту ночь его внезапно сморил глубокий, затяжной сон — невероятно долгий, связный и пугающе отчетливый.

Что же касается того, что именно ему привиделось...

Акихара замер. Перо зажатой в руке авторучки зависло над листом бумаги. Темная капля сорвалась с кончика и уродливой кляксой расплылась по белоснежной странице, пачкая аккуратные строчки.

Тук, тук.

В дверь негромко постучали. Акихара потянулся было положить ручку, намереваясь подняться, но сидевший позади него гость уже бесшумно встал на ноги.

— Я открою, — мягко обронил он.

Предыдущую неделю Акихара почти безвылазно проводил на работе, возвращаясь в особняк

глубокой ночью. По этой причине взрослый Сугуру, являвшийся только под покровом темноты, умудрялся оставаться незамеченным для домашних. Разве что Тодзи Фусигуро мог о чем-то догадываться по своей звериной привычке, но тот по ночам был слишком занят сном в обнимку с женой и сыном, чтобы совать нос в чужие дела.

Теперь же, шагнув к двери, гость неизбежно должен был столкнуться с кем-то лицом к лицу.

— Иди, — отозвался Акихара, вновь опуская перо на бумагу.

Он был абсолютно уверен, что этот Сугуру не несет никакой угрозы. А значит, скрывать его появление от обитателей этого времени больше не имело смысла.

Мужчина с мягкой, почти неуловимой улыбкой потянул за ручку двери.

В полутемном коридоре, залитом мягким светом настенных бра, стоял юный Сугуру Гето. Волосы его после вечернего душа были влажными и распушенными по плечам, а одна рука все еще оставалась приподнятой для повторного стука.

Вообще-то ему давно следовало спать. В отличие от не знающего удержки Сатору или обожающей полуночничать Сёко, он всегда старался придерживаться строгого распорядка дня.

Вот только сегодня привычный режим дал сбой.

"Акихара-сан так и не сказал мне, откуда у него эти серьги", — мысленно проворчал подросток.

Бывают дети, которые на первый взгляд кажутся совершенно неуправляемыми бунтарями, готовыми на любые безумства, но на деле оказываются на редкость покладистыми: если взрослые дают понять, что тема закрыта, они не станут лезть с расспросами. Но бывает и иной сорт. Те, кто усердно носит маску вежливого, прилежного ученика, скрывают внутри пугающее, слепое упрямство. Они идут напролом, не желая сворачивать с выбранного пути, даже если впереди тупик.

Сугуру Гето принадлежал именно к этой породе.

Если он не выяснит сегодня, кто подарил Акихаре эти проклятые серьги, то попросту не уснет до утра.

Раздался тихий щелчок замка, и дверь приоткрылась.

Не успел юноша заговорить, как заготовленные слова застряли у него в горле. Хмурая складка на его лбу разгладилась, уступая место искреннему изумлению. Силуэт человека, стоявшего на пороге, никак не укладывался в привычные рамки.

Высокий рост, незнакомое одеяние, даже манера держаться — все было чужим. И в то же время до безумия знакомым.

Подросток уставился на мужчину, чье лицо с абсолютной точностью повторяло его собственное, только тронутое зрелостью и глубокими тенями прожитых лет. Секундный шок мгновенно сменился глухим отторжением и предельной настороженностью.

— Ты еще кто такой? — процедил он, опасно прищурившись.

В отличие от своего юного двойника, чьи эмоции сейчас так и сквозили в каждом движении, взрослый Сугуру владел собой безупречно. На его лице не дрогнул ни один мускул. Прикрыв за собой дверь так, чтобы отсечь посторонние глаза, но при этом оставить щелку для контроля ситуации в комнате, он негромко парировал:

— А сам как думаешь?

В коридоре повисло тяжелое, почти осязаемое напряжение. Два лиса — один молодой и порывистый, другой умудренный опытом и смертельно опасный — застыли друг против друга, словно отражения в искаженном зеркале. Воздух между ними буквально искрил от неприязни, готовый в любую секунду перерасти в открытое столкновение.

В этот самый момент хозяин комнаты, ставший невольным яблоком раздора, сидел спиной к двери и медленно погружался в собственные мысли.

Он наконец вспомнил, что именно видел в том долгом, липком сне.

Ему пригрезился грядущий день. Осколки его собственного, неизбежного будущего.

<http://bllate.org/book/19395/2004810>